

Самир Алиев

Спусти́сь в мой подвал.

Ларри не стал бы нарочно проверять что будет, если не спать несколько суток подряд. Но факт был в том, что его мучила бессонница, а в голове пульсировала боль, то чуть стихая, то накатывая с удвоенной силой.

Несколько раз он пытался заснуть, принимая снотворное, но ничего из этого не получалось – мозг беспрестанно рождал какие-то хаотичные мысли, которые, словно проворные рыбки, ускользали всякий раз, как он хотел за них ухватиться, но заставляли бодрствовать.

Ларри начали раздражать внешние звуки – где-то рядом сигналил автомобиль, лаяла чья-то, трижды проклятая, собака, какие-то люди на улице громко ругались.

Ларри и хотел не обращать на все это внимания, но не мог. Тупая злоба рождалась в его голове всякий раз, как сильный порыв ветра ударял в стену дома, заставляя дребезжать окно.

Ему страстно захотелось разбить стекло, выбежать наружу и колотить, крушить все что попадет под руку.

Эта мысль полностью им завладела, ведь она уняла боль, нашла ее причину: "Все эти уроды, они специально шумят, хотят надо мной поиздеваться, шутники! Нужно найти их и показать кто здесь настоящий шутник! Разбить кулаки об их ухмыляющиеся лица, топтать их ногами, сделать им жутко больно и получить дикое удовольствие, наблюдая за их агонией".

На улице громко хлопнула дверца автомобиля.

– Ублюдок! – заорал надрывая горло Ларри. – Ты решил надо мной пошутить, хочешь поиграть? Сейчас дядюшка Ларри со всеми вами поиграет! – лицо его исказила гримаса берсерка, впавшего в боевую ярость. Губы растянулись в широченной ухмылке, белки вылезали из орбит, глаза безумно вращались.

Он бегом кинулся к входной двери и, вдруг, заметил рукоять швабры, выглядывающую из приоткрывшегося в стене шкафа. Ларри бросился на веранду и, расшвыривая прочие вещи, извлек из-под кушетки свою старую бейсбольную биту. Он с любовью осматривал ее, поворачивая в руках.

– Я чуть не забыл про тебя, – шептал он куску дерева и тут же вкрадчиво спрашивал: – Ты ведь знаешь что нужно сделать? Ты говоришь, что тебе не терпится опуститься им на спины, переломать кости, ударять снова и снова, постепенно превращая плоть в месиво? Как я тебя понимаю! – Ларри рванул обратно к двери и вылетел на улицу.

Холодный ветер остудил его разгоряченное лицо, принес облегчение. Пожухлая трава стелилась по земле. Деревья, насаженные вдоль дороги, шевелили оголенными ветвями. Пошел мелкий колючий снег.

Ларри все еще стоял на своем крыльце когда, грузно кряхтя, к соседнему дому подъехала машина. Он вскинул биту на плечо, и уже было, сделал шаг вперед, когда из автомобиля вышел пожилой мужчина и, не обращая никакого внимания на соседа, стал возиться, убирая ключи в карман поношенной куртки.

Ларри замер. Что-то было не так. В небе, громко гудя, набирал высоту самолет; у кого-то играла веселая музыка. Он напряженно думал и, наконец, его осенило: все эти люди не наблюдают за результатами своих "шутков"! Если бы они действительно хотели над ним поразвлечься, то глядели бы в оба. Да что там, никому и дела до него нет! Ларри представил себя со стороны – стоит сейчас на холоде и безумно скалится. "Занятную картину можно было бы написать". – Криво усмехнулся он и вернулся в дом.

Боль в голове снова вернулась, будто в мозгу торчал ржавый гвоздь, и кто-то потихоньку, легкими ударами, загонял его все глубже и глубже. Ларри опять стал раздражаться. Любой звук заставлял его вздрагивать.

Он с удивлением разглядывал такой знакомый ему дом – все вроде бы было на месте и в то же время в окна вместо обычной серой мглы лился ослепительный поток света, и вся обстановка преображалась на глазах, так что порой он не мог понять где находится: Ларри подумал, что неплохо бы сейчас прилечь, и тут же оказался в спальне, но ведь он точно помнил, что до этого находился в прихожей. Он начинал думать о прихожей и вдруг понимал, что все еще находится там, а никакой спальни нет и в помине. Ларри пошел в коридор, но, не сделав и шагу, осознал, что уже пришел, и брови его от удивления ползли вверх – в стенах коридора находились

совершенно незнакомые ему двери, причем их было так много, что сам он, казалось, тянулся бесконечно. Каждую секунду Ларри слышал тысячи звуков – они доносились словно издали, но каждый из них был ему понятен и знаком. Он желал хоть секунду побыть в тишине, но поток шума не прекращался – остановить это было не в его власти. "Как же это прекратить? – думал Ларри. И не успел закончить свой мысленный вопрос, как почувствовал, что куда-то перемещается. Ларри осмотрелся – он находился в светлой квадратной комнате, посреди которой виднелся чуть приподнятый люк. Ларри почему-то очень не хотелось его открывать, но он откуда-то знал что там, внизу, тишина и покой; наверно именно поэтому он тут и оказался. В конце концов, он собрался с силами и поднял крышку. В открывшуюся темноту вела старомодная, чуть накренившаяся вправо, деревянная лестница. Ларри, чуть поколебавшись, спустился вниз.

Воздух был сырым и спертым; пахло гнилью. Стены местами поросли бесцветным грибом. Ларри разглядывал этот подвал, сидя на ступеньках уходящей глубоко вниз лестницы, конец которой терялся во мраке. Через открытый люк до него доносился значительно приглушенный, но все тот же многоголосый шум. Он решился опустить крышку и тут же почувствовал что куда-то, с чудовишной скоростью, падает, словно перерубил веревку, на которой висел над пропастью.

Ларри лежал на грязном каменном полу в полной темноте. Он поднялся и, выставив перед собой руки, наугад пошел вперед. Почти сразу, наткнулся на стену. Куда бы Ларри ни шел, всюду только холодная поверхность влажного камня. Он чувствовал себя пленником, заключенным в какую-то часть огромного механизма, знал что там, наверху, хорошо и светло, и испытывал отчаяние, понимая, что ему не выбраться наружу.

Ларри уже потерял счет времени когда, вдруг, заметил что воздух его темницы пришел в движение. Он поднял голову вверх и увидел, что на высоте около восемнадцати футов в потолке кто-то открыл люк, и сунул в него голову, загородив собой свет.

– Прости, нетерпелось осмотреть свои новые владения. Пришлось ненадолго тебя оставить. – Раздался счастливый голос.

– Кто ты? – спросил Ларри первое, что пришло в голову.

– Я – тьма твоего разума, рожденная вместе с ним, но вынужденная прозябать взаперти, заключенная глубоко внутри него. – Последовал ответ.

– Где я?

– Там где всегда была я – в подвале твоего рассудка.

– Но почему... – не закончил Ларри.

– Почему я выбралась наружу, а ты оказался здесь? Ты это хочешь узнать? – наступила короткая пауза. – Скажу тебе честно – я не знаю. Но однажды я увидела, что в потолке моей темницы забрезжил свет. Совсем узкая полоска, но это был выход. Я не могла выбраться наружу, но страстно желала! И мои желания, словно порывы ветра, вырывались наружу, и как вода точит камень, расшатывали твой безупречно работавший разум. Больше всего, судя по всему, досталось устройствам, отвечающим за восприятие и обработку звуков. В конце концов, твой разум не смог справиться самостоятельно, и ему пришлось позвать тебя, ведь даже очень умному механизму иногда нужен механик, чтобы устранить неполадку. От тебя требовалось всего лишь плотно закрыть люк моего подвала и все бы само исправилось, но ты слишком заиклился на том, что тебе досаждают именно шум. Я видела, как ты поднял крышку и чуть приспустился ко мне. Твой разум всеми силами удерживал тебя от падения, словно в прозрачной колбе заключив в столпе света. Но ты закрыл люк, и он уже ничем не мог тебе помочь – ты рухнул вниз, я вышла наружу; выход недостижим для тебя – здесь все время находится кто-то один. Теперь это ты. – То что было наверху злорадно расхохоталось и крышка люка захлопнулась. Темнота и тишина подвала стали абсолютны.

Ларри сел на сырой пол и задумался. "Если я могу мыслить, то я и есть сама живая суть моего разума, а он тогда всего лишь механизм в который мне в этом помогает, предоставляет все возможности и удобства, в частности те, в которых я нахожусь сейчас". Ларри криво усмехнулся. "Насколько я понял, если он привел меня сюда, когда что-то сломалось, то вернет обратно, когда я все исправлю. Это нечто наверху сказало, что однажды в потолке этого места забрезжил свет. С этого все и началось, но ведь это не могло произойти просто так, без причины!" И Ларри силился вспомнить, что такого особенного могло с ним приключиться, но не

получалось. Все какая-то сумбурная мелочь – упал с велосипеда, подаренного на свой восьмой день рождения, на озере удил рыбу с отцом, был на праздновании чьей-то помолвки... на голове у невесты пышный венок; и вдруг мысли его потекли в совсем другом направлении. Один за другим сменялись полузабытые образы – чей-то венок на кладбище, с крыши амбара слетели ласточки, кто-то с высоты падает вниз, густая лужа крови на усыпанном соломой полу...

Ларри почувствовал, что очертания его темницы меняются. Все словно плывет в дымке и вот, он стоит посреди огромного амбара, в котором всегда держалось тепло, настоящее на запахах сена, шерсти и навоза, а где-то высоко вверху, над третьим ярусом, таинственно щебечут ласточки. Запрокинув голову, он увидел сочащийся сквозь щели в крыше ноябрьский свет. А еще там была прибитая к поперечной балке третьего яруса лестница, спускавшаяся до самого пола, которая могла вот-вот развалиться от старости. Визвавшись по этой шаткой лестнице – ровно сорок три перекладки, Ларри точно знал, что именно столько, можно было попасть на деревянный брус, идущий в семидесяти футах от засыпанного соломой пола. А если продвинуться по нему еще футов двенадцать, то прямо под ногами оказывался сеновал. И можно прыгнуть и падать вниз все семьдесят футов с истошно-радостным воплем в огромную мягкую, пышную перину из сена.

И вдруг Ларри с ужасом заметил, что по лестнице вверх ползет девочка. Сначала она ему казалась совершенно незнакомой. Но через пару секунд поток воспоминаний полностью захлестнул его – это была его сестра – Китти, и сейчас с ней случится что-то очень плохое. Он хотел крикнуть, чтобы она слезла вниз, но не успел, потому что в этот момент лестница не выдержала, издав гнилой треск ломающегося дерева. Китти завизжала. Перекладка, на которой она стояла, оторвалась, а затем расщепились обе боковые доски. Китти висела на высоте шестидесяти футов от пола, бешено работая в пустом воздухе ногами в голубых джинсах, а где-то еще выше ворковали ласточки. Она повисла, держась своими маленькими руками за последнюю перекладку на обломившемся конце лестницы, словно акробат, замерший на трапеции.

А Ларри, внезапно почувствовавший себя таким маленьким и беспомощным, стоял внизу и отстраненно наблюдал.

– Ларри, помоги! – кричала девочка.

– Ларри, я не могу больше держаться! – В голосе ее звучало отчаяние.

А он, оцепенев, стоял и смотрел на пол – в то место где она должна была упасть. И он ничего не сделал, чтобы ее спасти, наблюдая за происходящим как бесстрастный очевидец. Через несколько минут раздался ровный скрипящий звук выдирающихся под тяжестью Китти гвоздей в перекладке, и его сестра сорвалась вниз. Глухой удар о доски; изувеченное тельце на полу.

Ларри сидел, широко раскрыв глаза, в тесном подвале своего рассудка. Он помнил, что у него была сестра, и что она умерла в результате несчастного случая, но забыл о том, что сам был виноват в ее смерти. Забыл потому что никогда не смог бы смириться с тем, что дал ей упасть, даже не пытался спасти. Именно это событие надломило его разум, привело к тому, что он оказался запертым в его самом темном уголке.

Тем временем все начало повторяться – он снова почувствовал тепло, настоящее на запахах сена, шерсти и навоза. Проявились очертания амбара, лестница; вскоре он увидел и девочку, ползущую наверх, к деревянному брусу. На Ларри снова напала апатия и беспомощность, но теперь он точно знал что произойдет. Гнилая лестница не выдержала, перекладка под ногами Китти оторвалась, расщепились боковые доски, и вот она висит, держась за последнюю перекладку на обломившемся конце лестницы, и зовет на помощь. И Ларри словно очнулся от дремы, он кинулся к сеновалу, схватил обеими руками огромную охапку сена, вернулся, бросил. Побежал обратно. И еще раз. И еще. Ларри сломя голову метался от сеновала к тому месту, куда должна была упасть его сестра, и кидал сено – куча выросла уже выше плеч, когда Китти сорвалась вниз. Сено взметнулось, словно в стог упало ядро, и Ларри услышал удар о доски пола. От этого звука, громкого глухого удара, он похолодел. Он кинулся разгребать сено, и все внутренности у него сжались, когда он увидел лицо сестры, смертельно-бледное с замуренными глазами. Потом она подняла веки, и на него в изумлении смотрели два темно-синих глаза.

– Ларри? – удивленно спросила она. – Я жива?

Раздался громкий щелчок, как-будто одна из пружин сломанного механизма, наконец, встала на свое место и привела в движение неведомые детали. Амбар, а вместе с ним и лежащая на полу Китти, стали тускнеть и пропадать. Ларри снова оказался в подвале. Теперь он слышал умеренное гудение, но чувствовал что оно "правильное", что так и должно быть. В потолке, изливая свет в затхлый мрак его темницы, отрылся люк; появилась старая, чуть накренившаяся вправо, ведущая к выходу лестница. Ларри поднялся по ней и оказался в том самом квадратном помещении, откуда впервые спустился вниз. Гудение чуть усилилось, и через секунду Ларри изумленно наблюдал, как в дверной проем втягивало, словно засасывая, бесформенный сгусток тьмы, который через мгновение, агонизируя, принимая всевозможные обличия и жутко вопя, скрылся в непроглядном мраке подвала. Крышка люка тутже намертво захлопнулась.

Ларри, все еще не осознавая произошедшего, захотел выйти на улицу. И не успев сдвинуться с места, оказался в прихожей – входная дверь была перед ним на расстоянии вытянутой руки. Он огляделся вокруг – всюду царил хаос, все в доме было перевернуто вверх дном. Взгляд его остановился на валяющихся на полу осколках толстого зеленого стекла, которые раньше были графином, что стоял на журнальном столике. Осколки притягивались друг к другу и вскоре сложились в целый графин, парящий в двух футах над полом. Секунда, и этот сосуд прочно стоял на появившемся под ним столике. Повсюду устанавливался прежний порядок. Ларри решительно распахнул входную дверь и сделал шаг за порог.

Очнулся он лежащим на полу прихожей своего дома. Медленно растерянно поднялся, озираясь вокруг. Удивленно вскинул брови, увидев свою старую бейсбольную биту валяющейся на коврике справа от себя. Поднял ее и отнес на веранду. Чуть задумался, засовывая биту под кушетку, и вдруг заторопился на кухню. Он, словно ожидая гостей, накрыл на стол и сел у окна. Ларри почему-то был уверен, что с минуты на минуту к нему должна зайти сестра. "Она ведь обещала прийти, почему она задерживается?" – думал он и продолжал ждать. Но никто не пришел ни в этот день, ни в следующий.

И лишь вездесущий ветер, двигаясь навстречу солнцу и удаляясь от дома Ларри, пронесся над рекой, проплыл над сверкающими железнодорожными рельсами, свернул к задним дворам и крышами одиноких домов на окраинах Хемингфорд-Хоум, и со всего маху ворвался на кладбище, поднимая в воздух и кружа только что выпавший мелкий снег. Он остановился над могилой некой Катрин N, умершей восьмилетней, и разразился диким хохотом, возвещая пришествие в этот мир очередного безумца.